



Александр Тетерин¹

ОЖИДАНИЕ ДЛИННОЮ В СТО ЛЕТ

По завершении печального мероприятия я вызвался проводить Никиту Константиновича до дома. Мы прошли под руку некоторое расстояние по Среднему проспекту Васильевского острова, затем по зелёному свету светофора стали переходить на другую сторону проспекта. В этот момент, наехав на разметку перехода, в шаге от нас резко остановился автомобиль. Водитель, в силу своего презрения к правилам дорожного движения, решил, по-видимому, «проскочить» перед пешеходами. Мой спутник, ничуть не удивившись, произнёс: «Уважаемый Александр Александрович, когда бы нас стали доставать из-под колёс автомобиля, то непременно сказали бы, что пешеходы были абсолютно правы».

Так началось моё сближение, постепенно переросшее во взаимную духовную приязнь, с Никитой Константиновичем Ивановым-Есиповичем, инженером-электронщиком, кандидатом технических наук, внуком Константина Алексеевича Иванова, некогда приближённого императорского двора...

Во время наших встреч Никита Константинович рассказывал о своём деде. Историк по образованию, Константин Алексеевич Иванов (1858–1919) многие годы являлся директором Царскосельской гимназии — преемником Иннокентия Анненского. Имел чин тайного советника — один из наивысших в чиновной



*Н.К. Иванов-Есипович.
Фото 2009 г.*

¹ **Тетерин Александр Александрович** — писатель-библиофил. Член Всероссийского общества библиофилов России. Лауреат конкурса «Серебряный голубь России — 2018». Живёт в г. Тосно Ленинградской области.

иерархии. Писал гимназические учебники — «История древнего мира», «История средних веков», «Новая история», научно-популярные книги — «Средневековый город и его обитатели», «Средневековый замок и его обитатели», «Средневековый монастырь и его обитатели», «Трубадуры, труверы и миннезингеры». К удовольствию современного читателя некоторые работы из литературного наследия К.А. Иванова сегодня переизданы.



*Константин
Алексеевич Иванов*

Кроме того, — сейчас известно гораздо меньше — он был поэтом. В списке его книг, почти не встречающихся ныне, значатся: «Стихотворения К.А. Иванова», роскошное издание на веленовой бумаге, объём тома 510 страниц (!), «Лепестки. Новый сборник стихотворений К.А. Иванова».

Как авторитетный педагог и глубокий знаток предмета он был приглашён преподавателем истории к детям последнего царя. Свидетельством тому является письмо государыни Александры Фёдоровны от 4 декабря 1908 г., № 11057, обнаруженное Никитой Константиновичем в архиве, располагавшемся до недавнего прошлого в зданиях Сената и Синода. Затем с того же соизволения к преподаванию истории была подключена география, а список учениц пополнился Марией и Анастасией по мере их взросления. А позже: «Всемиловнейше поручено преподавание географии Его Императорскому Высочеству наследнику цесаревичу Великому князю Алексею Николаевичу с 1914–1915 учебного года».

«Конечно, это не значит, что Константин Алексеевич был с Николаем II в дружеских отношениях, — говорил Никита Константинович, — но знакомы они были хорошо. Отец рассказывал мне, что Николай уже из Тобольска дважды писал деду, просил выслать написанные им учебники. Известно, после отречения бывший царь взял на себя преподавание истории сыну. Оба письма потом мой отец сжёг. И, скорее всего, правильно сделал».

Об одном из эпизодов, связанных с работой в царской семье, Константин Алексеевич рассказал своему сослуживцу Карлу Галлеру в присутствии его дочери Лидии, которая много лет спустя пересказала его Никите Константиновичу.

Однажды, придя домой после уроков из Александровского дворца, дед обнаружил в своём портфеле ломтики хлеба. На сле-

дующем занятии к нему подбежал маленький цесаревич Алексей и тихо сказал: «Папа говорит, что народу недостаёт хлеба. Вот вы ему передайте, только по секрету...».



И. В. Гёте

Сегодня нам известны слова Константина Алексеевича Иванова, сказанные после государственного переворота 1917 года: «Я вырос из нищих и голодных, всю жизнь честно трудился “по способностям”, получая “по потребностям”. А сейчас другие дикие и нищие отнимут всё, что я для себя и для вас заработал. И пропьют. Лишь бы вас не расстреляли... Вот закончу перевод “Фауста”, на него не позарятся».

«Фауст» великого Гёте стал главным делом всей жизни К. А. Иванова. Он начал работу над переводом знаменитого произведения, будучи студентом, а закончил свидетельство тому запись в рукописи — на рубеже 1918–1919 годов (в сочельник). Через полгода он скончался.

Ещё в 1910 году, когда умерла его любимая семнадцатилетняя дочь Айза, Константин Алексеевич поставил склеп на Никольском кладбище в Александро-Невской лавре. Склеп сохранился, несмотря на «вихри враждебные», разрушительно пронёсшиеся над святыми для русского человека местами. Но самому Константину Алексеевичу не пришлось там лежать. Его похоронили на Казанском кладбище в Царском Селе, напротив могил Белосельских-Белозерских. Сегодня совсем рядом с местом упокоения К. А. Иванова находятся могилки Ольги Дмитриевны Форш, Татьяны Григорьевны Гнедич. В этом я нахожу знаки providения.

«Рукописи моего деда, — отмечал во время наших разговоров Никита Константинович, — хранились в двух свёртках, перевязанных бечёвкой. Мой отец Константин Константинович, художник Александринского театра, привёз их из Царского Села



*Склеп в Александро-Невской лавре.
Фото 2013 года*



*Место упокоения
К.А. Иванова*

в Ленинград в 1930 году после смерти бабушки. Привёз не с её, а ещё с дедовым наказом: “Не трогать до лучших времён”.

Рукописи отец поместил на нижнюю полку книжного шкафа, где они пролежали до войны и годы блокады, пока мы были в эвакуации. Это чудо, что дедов архив сохранился! Стёкла в квартире были выбиты взрывной волной, зимой комнату заметал снег. Но рукописи остались нетронутыми. Лишь в 1954 году я развязал эти свёртки, чтобы показать содержимое моему другу. Мы обнаружили тетради со стихами, средневековыми легендами, рукопись книги “Средневековый

театр”. Здесь же был перевод “Фауста”. Друг сказал мне: “Не показывай никому. Опубликовать не опубликуешь, а неприятностей не оберёшься, поскольку станешь внуком учителя детей царской семьи, а таких, как показала советская действительность, принято расстреливать”.

Вскоре я защитил диссертацию по радиотехнике, уехал по распределению в Таганрог в радиотехнический институт. Всё складывалось благополучно, я уже заведовал кафедрой. Но вскоре партия решила начать укрепление кадрами сельское хозяйство. Мне предложили стать председателем колхоза. По молодости я восстал против этой нелепости, позволил себе пошутить насчёт “золотой заклёпки”, вспомнил рассказ Марка Твена “Как я редактировал сельскохозяйственную газету”. Разразился скандал, мне говорили, что дело дошло до Хрущёва, и он будто бы сказал: “Гнать этого моего тёзку в три шеи!”. Так я вернулся в Ленинград, в квартиру с дедушкиными рукописями. И снова ждал “лучших времён”. Жизнь проходила, а они всё не наступали... Всё настойчивее я интересовался личностью моего деда, рылся в архивах, находил интереснейшие материалы. Так продолжалось много лет.

Судьба рукописи этого перевода “Фауста” показательна для советской России. Перевод был закончен в конце 1918 года, но пролежал без движения почти век. И только благодаря кафедре немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета, прежде всего доценту Ирине Сергеевне Алексее-

вой, а также издательству “Имена”, перевод увидел свет. Всё дело было в связи переводчика с царём».

Услышав из уст моего собеседника имя Ирины Сергеевны Алексеевой, я приложил некоторые усилия, чтобы встретиться с ней. Деликатность Ирины Сергеевны, абсолютное понимание моего книжного интереса превзошли все ожидания. Я побывал на её занятиях со студентами, тем самым напомнил себе романтическую сказку немецкого писателя Адельберта фон Шамиссо «Peter Schlemihls wundersame Geschichte». Затем она любезно рассказала о своём анализе перевода «Фауста», осуществлённого К.А. Ивановым.

«Как видим, — отметила Ирина Сергеевна, — освоение гётевского “Фауста” русской культурой длится до сих пор. Разумеется, берясь за перевод художественного текста, каждый переводчик решает свои индивидуальные задачи, согласующиеся с его художественным видением, ищет ответа на свои вопросы. Однако если мы обратим внимание на то, какие из переводов наиболее долговечны в принимающей культуре, то даже поверхностный взгляд на них позволит нам сделать вывод: наиболее долговечны те из них, в которых переводчик в меру сил и способностей постарался соблюсти некую золотую середину, гармонию формы и содержания. Не случайно принято считать, что великий оригинал вечен, а его переводы стареют. Но только

слово „старение” в данном случае не что иное, как метафора понятия неполноты. Ведь всякий перевод есть принципиально вторичный текст, выполняющий особую задачу — задачу художественного постижения оригинала. Его задача — постигнуть текст текстом. Каждый завершённый перевод есть версия постижения. И, наверное, число таких версий у великого оригинала бесконечно, и каждая из них приближает нас к постижению великого оригинала».

И.С. Алексеева отмечает, что читатель, стремящийся познакомиться с трагедией «Фауст» во всей её полноте, в подробностях, и по этой причине предпочитающий перевод Н.А. Холодковского переводу Б.Л. Пастернака, который по праву считается более вольной поэтической версией, скорее найдёт эту полноту



Гёте. Фауст / Пер. с нем. Н. Холодковского. — М.: Изд-во «Детская литература», 1969. — 352 с. — (Школьная библиотека)

именно в переводе Константина Алексеевича Иванова.

Чуть вернувшись назад, следует отметить, что неоднократно возвращался к переводу Холодковского, сверяя его отдельные фрагменты с оригиналом. И был абсолютно безразличен к переводу Пастернака, что явно не умаляет его достоинства. А вот перевод К.А. Иванова в то время ещё не был известен.

Вот и получается, что перед нами возникает облик переводчика в историческом контексте. Он шёл в ногу со временем, а его переводческие принципы соответствуют уровню текстовой культуры рубежа XIX-XX веков. Сам же переводчик предпринимает своей работой серьёзную попытку приближения к раскрытию сути бессмертного оригинала.

Книгу сопровождают иллюстрации заслуженного художника России Олега Юрьевича Яхнина. Строго говоря, они не являются прямыми иллюстрациями текста великой трагедии. Кажется, впервые в многочисленных изданиях «Фауста» мы встречаемся с самостоятельными художественными произведениями. В то же время абсолютно понятно, что эти работы несут в себе осмысление идей и образов Гёте, становятся важным дополнением к литературной основе, способствуют глубокому и образному пониманию одного из величайших произведений мировой литературы.

Вот, собственно, и всё, что хотел сказать. Впрочем, вспомнился 1988 год, когда я, находясь в Веймаре, не поклонился могиле великого Гёте — постеснялся присутствующих.

Что ж, надо спешить отдавать долги. Время ждать не будет...

Тосно



Гёте. Фауст / Пер.
с нем. К.А. Иванова;
Худ. О. Яхнин. —
СПб.: «Имена»,
2005. — 648 с.



Автографы Н.К. Иванова-Есиповича, И.С. Алексеевой, О.Ю. Яхнина на книге «Фауст», перевод К.А. Иванова.